

Глава 34. Гнев дракона

В императорском дворце Е Шуанчэн чувствовал себя как рыба в воде. Лишь когда на занятия приходил Е Чжэнь, юноша хоть немного сдерживал свой буйный нрав, во всё же остальное время он предавался забавам с полным забвением. Обладая характером живым и на редкость беспечным, он с малых лет воплощал собой ту самую «черноту», от которой, по пословице, марается каждый прикоснувшийся. Неудивительно, что вскоре он сбил с пути истинного всю дворцовую компанию.

Между тем обучение наследников престола подчинялось строгому уставу. Время от времени великие наставники устраивали им проверки, а результаты ложились на стол Его Величества. С тех пор как Е Шуанчэн переступил порог Зала Развития Литературы, он только и делал, что развлекал высочайших особ байками о простонародной жизни, завлекал лазать по деревьям да устраивать птичьи бои. Разумеется, вскоре от прилежания августейших учеников не осталось и следа.

В день испытания надзирать за порядком вызвались Великий наставник Ма с коллегой. Результат оказался предсказуем: шпаргалки летали по классу подобно осенней листве. По иронии судьбы именно в этот час Его Величество решил навестить Зал Развития Литературы.

Застав такое безобразие, Его Величество пришёл в ярость. Он тут же приказал наказывать дворцовых слуг и евнухов, потребовав немедленно выдать зачинщика. Под сводами зала воцарился ужас. Десятки людей пали ниц, образовав живой ковёр; даже юные принцы дрожали от страха, боясь издать хоть звук.

Его Величество в тёмно-жёлтом драконьем облачении безмолвно подавлял присутствующих врождённым величием. Никто не осмеливался поднять взор.

— Ли Цзэю, говори! — внезапно прогремел ледяной окрик.

Пятый принц вздрогнул. Опустив голову ещё ниже, он едва слышно произнёс:

— Отец-император...

Несмотря на сковавший его страх, предавать Е Шуанчэна он не желал, а потому упрямо сомкнул губы.

Его Величество издал холодный смешок. Окинув собрание суровым взглядом, он повысил голос:

— Молчите? Хотите, чтобы Я допросил каждого лично? Раз никто не сознаётся, наказаны будут все!

Среди коленопреклонённых началось смятение. Тинфэн уже готов был заговорить, но стоило ему приоткрыть рот, как Ли Цзэю метнул в его сторону столь красноречивый, предостерегающий взгляд, что юноша мгновенно сжался и поспешил уткнуться носом в пол.

Косясь на распростёртую вокруг толпу, Е Шуанчэн понимал: молчание погубит всех. В конце концов, заводилой действительно был он. Пусть шалили сообща, но заварил эту кашу именно он. Сжав зубы и мысленно смирившись с тем, что дома старший брат спустит с него шкуру, юноша решился.

— Ваше Величество, это я...

— Отец-император! Зачинщиком был я!

Ли Цзэю выкрикнул это так внезапно, что по залу пронёсся вздох изумления. Е Шуанчэн оторопел — он и подумать не мог, что принц решит прикрыть его.

— Нет! — поспешно перебил он. — Это я всё устроил! Пятый принц ни при чём!

Его Величество бесстрастно перевёл взгляд с сына на Е Шуанчэна. Он выглядел сурово и величественно, но во взоре, устремлённом на соученика-сопровождающего своего сына, промелькнула тень пытливого интереса. Наконец он вновь обратился к Ли Цзэю:

— Так это действительно твоих рук дело?

Принц от страха мелко задрожал, но он заставил себя кивнуть:

— Да... Склоняю голову перед своей виной. Е Шуанчэн лишь пытался выгородить меня. Прошу, накажи меня, отец-император.

Е Шуанчэн порывался возразить, не желая подставлять друга под удар, однако Ли Цзэю резко оборвал его:

— Е Шуанчэн, молчи! Если принц совершил проступок, негоже простому соученику-сопровождающему отвечать за него!

Его Величество не стал более тратить слова. Наложив на сына суровое наказание — простоять на коленях до исхода дня, — остальных соучастников он повелел немедленно разогнать по домам под надзор челяди и наставников. Взмахнув широким рукавом, владыка величаво удалился в окружении многочисленной свиты.

Просторный зал мгновенно опустел. Ли Цзэю остался один на каменной дорожке — он сидел прямо, не шевелясь и не проронив ни звука. Придворные лакеи, страшась высочайшего гнева,

давно разбежались кто куда, словно испуганные птицы.

Е Шуанчэн тяжело вздохнул. Ему безумно хотелось схватить принца за шиворот и утащить отсюда подальше, но благоразумие вовремя возобладало: похищение особы королевской крови каралось немедленным отсечением головы. Делать было нечего. Бросить товарища в беде он тоже не мог, а потому, мысленно попрощавшись со своими коленями, опустился на камни рядом с ним.

Ли Цзэю нахмурился и, скосив на него глаза, прошипел:

— Ты-то чего разлѣгся? Проваливай домой, не мозоль глаза!

— Думаешь, я из упрямства тут торчу? — Е Шуанчэн демонстративно закатил глаза к небу. — Да я просто боюсь возвращаться! Стоит брату узнать, что я натворил в столичном дворце, он с меня живѐм шкуру спустит. Сделай милость, позволь пересидеть грозу у тебя под боком. К тому же ты ведь принц, драгоценная кость, надежда династии! С какой стати тебе отдуваться за чужие грехи?

— Много о себе мнишь, — фыркнул Ли Цзэю. — Стал бы я ради тебя утруждаться. Я — сын императора, и даже за серьёзный проступок отец не станет карать меня слишком сурово. Но ты — мой соученик-сопровождающий. Проведай он, кто заварил эту кашу, тебе бы точно несдобровать. И с кем бы я тогда остался?

«А ведь верно говорит», — подумал Е Шуанчэн. Однако преданность принца всё же тронула его до глубины души. Дружески хлопнув его по плечу, он пообещал:

— Век не забуду твоей доброты! Отныне твори что хочешь, любые провинности я возьму на себя.

Принц презрительно хмыкнул и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Так они и простояли до самого вечера. Лишь когда багровый диск солнца коснулся крыш дворцовых павильонов, прибежали слуги, чтобы бережно уложить измождённого принца на носилки. Е Шуанчэн попробовал разогнуть затёкшие ноги. Он почувствовал такую острую боль в коленях, словно в плоть впились тысячи мелких игл. Пошатнувшись, он с трудом удержал равновесие и шумно выдохнул.

Дворцовые слуги помогли Ли Цзэю подняться на паланкин. Судя по его медленным, деревянным движениям и бледности, далось ему это испытание не легче.

На душе у Е Шуанчэна заскребли кошки. Сам-то он привык к вечным нахлобучкам — с тех пор как приехал в столицу, только и делал, что ходил из одной передраги в другую. Наказания стали для него обычным делом. Но ведь его товарищ — наследник престола! Пойти на такое

унижение ради спасения простого соученика-сопровождающего требовало незаурядного мужества.

Принц, впрочем, о высоком не размышлял. Заметив, что Е Шуанчэн застыл на месте истуканом, он раздражённо прикрикнул:

— Е Шуанчэн, ты чего замер? Чего ждёшь?

Очнувшись, юноша поклонился:

— Уже темнеет, Вашему Высочеству пора отдыхать.

Ли Цзэю кивнул, но помедлил.

— Может, мне приказать слугам проводить тебя до ворот Поместья Е?

Е Шуанчэн понимал скрытый смысл этого предложения. Императорский эскорт послужил бы ему надёжным щитом. Даже если дома разгневанный Е Чжэнь решит схватиться за розги, присутствие дворцовых посланников заставило бы его умерить пыл из уважения к пятому принцу.

Но злоупотреблять чужим великодушием он не хотел. Небрежно махнув рукой, Е Шуанчэн без лишних слов дал понять: «Ценю заботу, но лучше проваливай».

В этот момент из глубины сада прибежал запыхавшийся евнух. Сначала он отвесил глубокий поклон принцу, а затем повернулся к Шуанчэну:

— Второй молодой господин Е, повозка из вашего Поместья Е ожидает у главных ворот уже не один час. Прошу вас, Е Шуанчэн, следуйте за мной.

Е Шуанчэн обменялся с принцем понимающими кивками и пошёл за провожатым.

Он чувствовал, как нещадно ноют колени, но гордость мешала Е Шуанчэну хромать открыто. Он шёл медленно, преодоляя боль, а евнух не смел его торопить. У ворот их действительно ждал экипаж Поместья Е, возле которого нетерпеливо расхаживал Фэйсэ. При виде хозяина телохранитель поспешил навстречу:

— Второй господин, пойдёмте. Нам пора домой.

Е Шуанчэн забрался внутрь, и повозка тронулась, мерно покачиваясь на мостовой. Всю дорогу он лихорадочно выдумывал оправдания, но в голову не приходило ничего путного. Обмануть Е

Чжэня было задачей заведомо невыполнимой.

Попастся на шпаргалках на глазах у самого Сына Неба — позор неслыханный. Впрочем, чистота семейного имени заботила Шуанчэна меньше всего. Его пугало лишь одно: какой приговор вынесет старший брат.

Измученный дневным стоянием на коленях и изведённый страхом перед грядущей расплатой, у самого порога Поместья Е Е Шуанчэн споткнулся и едва не растянулся на каменных плитах.

Шедший следом Фэйсэ среагировал мгновенно. Подхватив юношу под локоть, он с тревогой спросил:

— Второй господин, вы как?

Е Шуанчэн лишь молча махнул рукой, показывая, что всё в порядке. Поместье тонуло в ярком свете фонарей, но под этими мирными огнями скрывалось непривычное, зловещее безмолвие. Воздух казался тяжёлым, словно перед грозой.

Почувствовав, как по спине пробежал холодок, Е Шуанчэн окончательно растерял остатки храбрости. Бледный как полотно, он даже не подумал заглянуть к себе, а сразу направился напрямиком к Восточному двору.

Фэйсэ шёл молча, но перед самыми воротами Восточного двора не выдержал и тихо зашептал:

— Второй господин, Глава кабинета уже обо всём знает. Днём Его Величество вызвал к себе Министра Не и других вельмож, устроив им жестокую головомойку. Нашего господина миновала эта чаша, но вы ведь сами знаете его крутой нрав...

Продолжать не требовалось — Шуанчэн и сам прекрасно всё понимал. Побелев ещё сильнее, он молча кивнул. Телохранитель остался у входа, а юноша переступил порог Восточного двора.

Во дворе не оказалось ни души, что принесло Е Шуанчэну мимолётное облегчение. Хоть он и слыл несносным сорванцом, выставлять напоказ своё покаяние перед слугами не хотелось. Собравшись с духом, юноша подобрал полы халата и опустился на колени прямо перед входом в дом.

Окна восточного кабинета светились мягким золотом. Сквозь бумажные рамы угадывался стройный силуэт хозяина усадьбы, склонившегося над государственными бумагами.

Е Шуанчэн некоторое время безмолвно созерцал этот силуэт, а затем потёр глаза кулаками. Когда он убрал руки, он заметил, что веки покраснели. Жалеть себя причин не было — виноват кругом, а потому он лишь плотнее сжал губы и понурил голову, погрузившись в унылые думы.

Разумеется, ни о каком раскаянии речь не шла.

Время перевалило за полночь. Взгляд юноши затуманился от подступавших слёз, но пошевелиться он не смел. Из кабинета по-прежнему не доносилось ни звука.

«Неужели заставит стоять до утра? — с тоской подумал Е Шуанчэн. — Бездушный истукан!»

Вскоре послышался тихий скрип. Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился Е Чжэнь. В белых одеяниях, овеянный холодным лунным светом, он казался сошедшим с картины небожителем. На его лице не отражалось ни единой эмоции, лишь в его взгляде сквозила ледяная строгость.

Старший брат неторопливо подошёл к коленопреклонённому юноше. Тот сидел, уткнувшись подбородком в грудь и судорожно сминая пальцами край своего халата — верный признак того, что беглец напуган до смерти.

— Брат... — тихо позвал Е Шуанчэн.

— Хм, — отозвался Е Чжэнь и холодно спросил: — Ну? И что ты скажешь в своё оправдание?

Е Шуанчэн растерянно моргнул и пролепетал:

— Брат, я всё понял... И очень хочу спать, — прошептал он.

Эти слова не имели между собой никакой логической связи, но сердце Е Чжэня невольно сжалось от жалости.

Не желая звать слуг, Е Чжэнь наклонился и рывком поднял брата, бережно прижимая к себе. Почувствовав, как обмякло хрупкое тело юноши, он подавил вздох. Наказание на сегодня можно было считать оконченным.

Голова у Е Шуанчэна кружилась, в носу щекотал едва уловимый, знакомый аромат туши и благовоний, исходивший от шёлковых одежд брата. Уткнувшись подбородком в его плечо, он сонно пробормотал:

— Брат, ноги совсем не держат... — тихо добавил он.

Е Чжэнь промолчал. Лишь слегка наклонился и, подхватив брата под колени, легко поднял его на руки.

Юноша был гораздо ниже и тоньше старшего брата, поэтому ноша оказалась совсем не

тяжёлой.

Луна светила ровным, серебристым светом. Е Шуанчэн засыпал на ходу; сквозь едва приоткрытые веки он видел лишь чётко очерченную, красивую линию подбородка Е Чжэня.

«Надо же, какой у меня брат красавец, — сквозь сон подумал он. — Женится ведь когда-нибудь на первой красавице Поднебесной...»

После этой памятной выволочки Его Величество повелел зачинщикам и их соучастникам из знатных семейств оставаться в своих усадьбах и предаваться глубоким размышлениям о собственном поведении.

Доходили слухи, что глава законодательного секретариата Цзи Жучэнь, едва узнав об увёртках младшего брата, пришёл в неопишемую ярость. Одним махом расколов мраморное пресс-папье, он велел запереть ворота усадьбы, созвать слуг исыпать виновнику плетей без лишней жалости. Цзи Минхуай и прежде трепетал перед грозным братом, а после столь суровой расправы и вовсе носа не смел высунуть из покоев.

<http://bllate.org/book/18190/1752935>